

(ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Таким правом наделен потерпевший в уголовном процессе Российской Федерации (ст. 6.1 УПК РФ);

на уведомление о применении (изменении) меры пресечения, об освобождении осужденного из мест лишения свободы.

Можно констатировать, что законодатель, а также «маятник правосудия» в Беларуси совершают движения в сторону потерпевших от преступлений. Такой тренд соответствует международным правовым стандартам, и его следует приветствовать.

1. Права человека : сб. междунар.-прав. док. / сост. В.В. Щербов. Минск, 1999.
2. Квашис В. Преступность и правосудие: ответы на вызовы XXI века // Рос. юстиция. 2000. № 9.
3. Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998.

УДК 343

Т.А. Николаева

СОСТОЯНИЕ ЗАЩИЩЕННОСТИ ПРАВ И СВОБОД ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ДОСУДЕБНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Права человека и гражданина гарантируются в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации. В современном мире все пользуются этими правами как в обыденной жизни, так при принятии процессуальных решений уполномоченными на то должностными лицами при возникновении уголовно-процессуальных последствий. Именно в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности защита и охрана прав человека и гражданина являются наиболее актуальными.

В истории российского уголовного судопроизводства имеют место положения, которые в настоящее время кардинально изменены не только в нормах закона, но и в понимании людей. Так, в соответствии с

нормами УПК РСФСР 1923 г. на основании ст. 100 «Задержание» лицо, к которому применялась указанная норма, признавалось подозреваемым. Но несмотря на приобретение процессуального статуса лицо не наделялось правами, оно не обладало правом даже знать, в чем оно подозревается [1, с. 69; 2, с. 488–492], фактически являлось беспомощным перед давлением стороны обвинения. С момента действия УПК РСФСР прошло почти 100 лет, за это время многое изменилось, но сохранились и нерешенные вопросы, ведутся дискуссии, связанные с правовым статусом подозреваемого.

Так, законодатель четко устанавливает основания надения лица процессуальным статусом подозреваемого (ст. 46 УПК РФ). Однако процессуалисты отмечают увеличение числа обращений, в которых говорится о нарушениях конституционных прав и свобод человека [3].

До сих пор нет единого мнения по поводу определения момента надения лица процессуальным статусом подозреваемого. Некоторые процессуалисты пытаются усовершенствовать подход к надению лица процессуальным статусом подозреваемого и предлагают ввести новых участников уголовного процесса. Так, В.П. Кашепов предложил ввести в уголовный процесс свидетеля на подозрении [4, с. 242]. По его мнению, данный участник, желая защитить свои интересы, имел бы право пользоваться услугами защитника при производстве следственных действий, знать сущность подозрения и т. д.

В.Т. Томин в своих трудах раскрывал тему подозрения и предлагал ввести в уголовное судопроизводство такую процессуальную фигуру, как заподозренный [5, с. 114]. Многие ученые полагают, что именно с момента надения лица процессуальным статусом у него возникают соответствующие процессуальные права (что подтверждает и закон). Другие считают, что права участников уголовного процесса не связаны с процессуальным статусом.

До недавнего времени имелись утверждения, что лицо признается подозреваемым и, соответственно, обладает правами, в том числе правом на защиту, только после возбуждения уголовного дела [6, с. 171; 7, с. 30; 8, с. 16–17]. В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ органу, осуществляющему доследственную проверку по поступившему поводу к возбуждению уголовного дела о совершенном или готовящемся преступлении, дозволено принимать и производить не только процессуальные, но и следственные действия, при выполнении которых устанавливаются, фиксируются, изымаются потенциальные сведения, объекты (доказательства). Таким образом, в отношении лица уже на стадии возбуждения уголовного дела осуществляется процессуальная деятельность

компетентных органов – уголовное преследование, в связи с чем права лица могут быть ущемлены. От начала стадии возбуждения уголовного дела и до принятия итогового решения процессуальный статус лицу, которое впоследствии может стать подозреваемым, не присваивается, следовательно его права в полной мере не реализуются.

Примером может быть явка с повинной, когда лицо само обращается в компетентный орган и сообщает о совершенном им или готовящемся преступлении. Данное лицо не имеет процессуального статуса, притом что должностные лица обязаны проверить поступившую информацию и как минимум опросить данное лицо. Несмотря на существующие спорные моменты среди прав, предоставленных законодателем лицу, в отношении которого проводится доследственная проверка (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ), право на защиту, как нам видится, определено более четко. Тем не менее нередко в рамках доследственной проверки лицо, явившееся с повинной, отказывается от услуг адвоката (защитника), что впоследствии может существенно отразиться на допустимости доказательств его вины. Такое положение может иметь место, когда лицо пишет явку с повинной под давлением правоохранителей либо оговаривает себя умышленно. Чтобы достичь высоких показателей, представители органа дознания используют «добровольный» отказ от услуг адвоката (защитника), дабы не исказить сложившуюся у потенциального подозреваемого иллюзию о его положении.

Конституционный суд РФ выразил свою позицию в постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П. Там указано, что на досудебных стадиях (в том числе на стадии возбуждения уголовного дела) правом пользоваться услугами адвоката (защитника) имеют лица, когда их права и свободы существенно затрагиваются или могут быть затронуты действиями и мерами при осуществлении уголовного преследования. Данную позицию мы в полной мере поддерживаем.

Несмотря на возможную простоту подхода неучтенными остаются несколько моментов.

1. С какого периода начинают существенно затрагиваться права лица (по сути при осуществлении уголовного преследования)? Согласно п. 55 части первой ст. 5 УПК РФ уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Давая такую формулировку, законодатель четко не обозначает момент начала уголовного преследования. Среди ученых нет единого мнения. Так, профессор А.С. Александров утверждает, что уголовное преследование начинается с момента, когда возникает необходимость ограничения прав

лица в связи с предположением о его виновности в преступлении, и в этом мы с ним согласны.

Напротив, И.М. Абазалиев утверждает, что понятие «уголовное преследование» возможно рассматривать лишь в плоскости науки, так как это понятие не предполагает ни определенных уголовно-процессуальных решений, ни четко установленной формы. Ученый предлагает изъять данное понятие из УПК РФ как искусственно созданное, что, на наш взгляд, недопустимо. Полагаем, что уголовное преследование как институт в понимании законодателя начинается одновременно с началом любой процессуальной деятельности, направленной на изобличение лица, подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, в том числе на стадии возбуждения уголовного дела (доследственной проверки).

2. Как и насколько могут быть затронуты права и свободы лица при осуществлении в отношении его обвинительной деятельности в рамках доследственной проверки? Законодатель не указывает, какие именно меры можно применить. В ст. 144 УПК РФ дан перечень следственных и иных процессуальных действий, которые должностные лица сами либо по поручению имеют право производить. Следует помнить, что наличие права на защиту подразумевает не только формальное участие адвоката в следственных и иных процессуальных действиях, но и оказание им полного спектра услуг в качестве защитника для лица, права которого могут быть затронуты. Но и здесь возникает закономерный вопрос: необходим ли адвокату ордер для представления защиты на стадии доследственной проверки? Ведь лицо, которому он оказывает услуги защитника, не наделено процессуальным статусом. Может ли тогда сам адвокат быть наделен статусом защитника?

Вопрос о юридической помощи адвоката на этапе доследственной проверки в некоторой степени отражен в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве». В п. 1 указанного постановления правом на защиту обладают не только подозреваемый, обвиняемый, но и иные лица, права и свободы которых существенно затрагиваются или могут быть затронуты обвинительной деятельностью, независимо от формального процессуального статуса таких лиц.

Таким образом, что право на защиту при осуществлении доследственной проверки не только должно быть разъяснено лицу, в отношении которого ведется обвинительная деятельность, но и реализовано в полном объеме.

1. Рощин В.П. Процессуальные положения подозреваемого в советском уголовном процессе // Совет. гос-во и право. 1957. № 9.
2. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу. М., 1955.
3. Участились случаи подачи жалоб лицами, находящимися в статусе подозреваемого и обвиняемого, в Европейский суд по правам человека // Бюл. Европ. суда по правам человека. 2018. № 2–4.
4. Кашепов В.П. Концепции развития законодательства об уголовном судопроизводстве. Концепция развития российского законодательства. М., 1998.
5. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М., 2013.
6. Карнаева Л.М. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства, регулирующего производство расследования // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка / редкол.: С.В. Бородин [и др.]. М., 1979.
7. Дорохов В.Я. Процессуальное положение подозреваемого // Практика применения уголовно-процессуального законодательства. М., 1962.
8. Козловский Н.А. Подозрение в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Свердлов. юрид. ин-т им. Р.А. Руденко. Свердловск, 1989.

УДК 343.98

А.В. Одерий, В.Н. Бесчастный

ОТКРЫТИЕ УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Принятие нового УПК Украины внесло существенные изменения в организацию уголовного производства, большинство из которых вызвали дискуссии среди ученых и практиков (А.Ф. Волобуев, В.А. Журавель, О.В. Каплина, Л.Н. Лобойко и др.). Особенно это касается тех положений, которые прямо повлияли на порядок начала расследования.

С ликвидацией стадии возбуждения уголовного дела существенно увеличилась нагрузка на следователей, поскольку был устранен своеобразный фильтр, отсеивавший информацию о действиях, не содержащих признаков преступления либо не подлежащих преследованию в уголовном порядке, а это одинаково важно как для обеспечения прав и законных интересов граждан, так и для предупреждения преступлений. В настоящее время следователи рассматривают все заявления, а обществу фактически предложено разрешать все социальные конфликты с помощью правоохранительных органов путем осуществления уголовного производства.

Можно согласиться с мнениями тех ученых-криминалистов, которые считают что предварительная оценка отдельного сообщения проводится непосредственно после или во время его получения [1, с. 29], т. е. еще до внесения в Единый реестр досудебных расследований (ЕРДР) уполномоченным на то лицом, поскольку без анализа и оценки полученных ведомостей невозможно принятие правильного решения относительно регистрации сообщения. Понятно, что на каждом следующем этапе процессуальной деятельности уполномоченное лицо снова и снова анализирует и оценивает ту информацию, которую оно имеет, однако общие критерии такой оценки несколько отличаются от критериев на первоначальном этапе расследования. Более того, на первоначальном этапе процесса доказывания вся информация, находящаяся в орбите следствия и имеющая значение для разрешения вопроса о виновности подозреваемого, имеет не достоверный, а, скорее, вероятностный характер, и только в процессе расследования эти вероятностные знания должны трансформироваться в достоверные. В подтверждение этому можно привести те ситуации, когда в заявлении физического или юридического лица указано о конкретном уголовном правонарушении, однако впоследствии это сообщение не подтверждается. Вместе с тем встречаются ситуации, где, наоборот, в сообщении недостаточно данных, свидетельствующих о признаках преступления. И если в первом случае ситуация понятна, то во втором, исходя из положений ст. 214 УПК и их криминалистического понимания, следователь теоретически имеет следующую альтернативу:

неотложно внести соответствующие сведения в ЕРДР и начать расследование, во время которого и выяснится обоснованность или безосновательность поступившего сообщения;

предусмотренное ст. 214 УПК время (а это 24 часа, которые начинают истекать с момента получения информации) использовать для дополнения первичного материала в целях установления признаков уголовно наказуемого деяния, характера и размера вреда и уже по имеющимся результатам (основаниям) принять более взвешенное решение о начале уголовного производства либо об отказе в таковом. Однако юридическое (в первую очередь уголовно-процессуального) инструментария для такой деятельности следователь практически лишен.

Что касается реальной действительности, то один из авторов действующего УПК Л.Н. Лобойко указал, что на практике положения ч. 1 ст. 214 УПК в большинстве случаев понимают (трактуют) как возможность сотрудников оперативных подразделений в течение 24 часов проводить проверку заявлений, сообщений и другой информации об уголовных правонарушениях. На основании Инструкции о порядке ведения единого учета в органах полиции заявлений и сообщений о совершен-